впрочем, как и со всяким творцом, сложно. Но судьбе я премного благодарен, что журналистская работа в свое время свела меня

аботать с Сергеем Киселевым,

именно с этим фотомастером. Любая ко-

мандировка с ним (впрочем, не буду обижать и других моих друзей-фотохудожников и репортеров — Анатолия Костина, Михаила Вязового, Николая Стребкова, Михаила Рогозина...) — это добрые истории, оставшиеся в памяти. А еще — газетные страницы с их шедевральными клише. Читатель всегда пробегает взглядом по тем самым снимкам — если снимок обратил на себя внимание, значит, надо и текст, расположенный рядом, прочитать. Именно с газетных полос вошли в историю фотографии, характеризующие и эпоху, и мастера, запечатлевшего время с его за-

мечательными людьми. С возрастом к каждому из мастеровфотохудожников приходит особое профессиональное испытание — желание издать свой творческий альбом. Тут и открытие — возможность показать себя всесторонне, как можно объемнее. И свобода — ни редактора, ни ответственного секретаря — сам себе хозяин. Надо признать: вы помните отдель-

ные снимки, а вот много ли сохрани-

нением слова и фотографии — у Василия Пескова, Юрия Роста, Павла Кривцова о Пушкиногорье и «святой Руси». Что ни альбом, то настоящий шедевр у

оренбургского фотохудожника Сергея Жданова с его философской простотой

размышления о Шолохове, казачьем

Доне, заповедных местах. Многого не

успел пишущий фотомастер из Камен-

ной Степи ученый Борис Скачков, ос-

тавивший фотоработы, отлично гармо-

лось в памяти отдельных фотоальбомов? Разумеется, ценнейшие — с еди-

нирующие с текстом. Его учитель Леонид Семаго сам редко снимал, но с великим пониманием относился к тому, как на его слово будут работать снимки известных мастеров. Мы с Сергеем Киселевым загубили немало хороших начинаний. Наши общие идеи — «Легенды Воронежа», «На круге жизни», «Я с этими людьми»...

Сергей Васильевич — прекрасный дизайнер, в его верстке книги чуть ли не идеальны. Но вдруг в последний момент — откуда появился этот снимок, этот? Какое отношение имеют к заданной идее? «Ну, согласись, что фотография-то хорошая!» Дальше начинается жесткое давление, взрываешься, бросаешь все начатое, обязуешься дальше с ним никогда не связываться... Ох, эти



Сергей Киселев

нервы с гордыней! Прощаешь все, да и он. кажется, все понял и простил...

На днях душа получила праздник! Мне в подарок от Киселева — большим форматом и весом килограмма в четыре собрание того, что «до него никто никогда не делал». Раздел «Мой Воронеж» просто завораживает — любимый нами Воронеж подан таким образом, что любовь к родному дому становится созвучна музыке небесной. На глянцевых листах памятник Петру Первому в какой-то фантастической красе. В подобном стиле — памятники святителю Митрофану, первому десанту ВДВ, Белому Биму Гавриила Троепольского. Уродливый и жирноватый Высоцкий, так не похожий на себя, с которым перекликается весьма неудачное воронежское изваяние Мандельштама... Но автор как бы говорит зрителю: такого нет в натуре, но есть в моем осмыслении, а ты думай, что хочешь, но это я все таким увидел и создал...

Чудны, возвышенны в своей молитвенности «ангелы» утреннего Первомайского сквера. «Белые одежды» собора только подчеркивают торжественность жизни. Киселев трепетно относится к городской истории. Ее охраняют покиселевски оживленные памятники Кольцову, Никитину. О ней напоминают почти уничтоженные в городе следы былого — фрески, объемная лепнина на зданиях, изменивших лицо с пришествием нового строя. Мятежный Платонов противостоит смиренному, но заслонившему собою солнечный свет «черному» Ленину. Говорящие аллегории на каждом шагу.

По-особому относится фотохудожник к памяти о тех, кто погиб под Воронежем, задержав прорыв фашистов к Сталинграду. Изумительна в альбоме портретная галерея. Без слов многое расскажут портреты Л. Семаго, «Памяти режиссера Воронежского театра кукол «Шут» Валерия Вольховского», художников В. Криворучко, И. Финочкина, А. Ечеина, А. Аникеева, одного из представителей легендарной советской разведки Юрия Линова...

Но вдруг «спотыкаешься» на одной знакомой личности... Кто он? Как понять суть, «высказанную» в снимке? Герой на фоне красного знамени, но рядом и купол храма... Коммунисты скажут, что давно он уже не из их клана, православные тоже

ет... Истинная фотография пытается превзойти мастерство художника... Но странно и необъяснимо: художник кистью не всегда точно передает тот или иной объект, но с годами его полотно все больше проявляет свою ценность... Не прибегал к изощрениям — душу вкладывал в изображение того, что видел. Мастерство владения компьютером коварно и мстительно... Прекрасны репортажные сценки города, живущего разнообразной жизнью от рассвета до глубоких сумерек... Цикл «Мы этой памяти верны»... Просто здорово! Сергей Васильевич захватывает наши сердца диптихом «Куликово поле». Со слезами на глазах, с великой гордостью и благодарностью мы идем за ним по окопам бывшей войны, по дворам вдов, воспитавших в детях святую память об их отцах. Курская битва (снимок-символ «Встреча с историей»), сражение под Прохоровкой —

на одном Поле сражения представлена

роль России в многократном спасении Европы от многочисленных орд, стре-

мившихся весь мир повергнуть в раб-

Героев Советского Союза и Звезды Геро-

ев Социалистического Труда. Как вос-

поминание о «вечной весне», достав-

шейся грядущим поколениям, — лики Василия Карповича, бабы Груни, регу-

Верно и символично — рядом Звезды

ское подчинение.

кое-чему удивятся... Придумка, монтаж... Пыл первоначального восторга ох-

лажден. Начинаешь верить — не верить фотомастеру... Дескать, это ж как надо

лечь на землю и сколько лежать, чтобы

поймать момент, когда над бюстом Алек-

сея Кольцова появится в чистейшей сини

неба клин перелетных журавлей?! Но ведь Кольцов в сквере его имени в таком

сплетении ветвей деревьев, что небо здесь

«малое», в овчинку кажется, загорожен-

ное строениями, опорами электроосвещения... При чем здесь, в принципе, непло-

хой портрет журналиста? И понимаешь:

все дело в «находке», которая осенила ма-

стера, и он в черно-белом снимке «зажег» живой огонек тлеющей сигареты... Мас-

терство фотошопа многое перечеркива-

кровенная мечта Сергея Киселева — показать, чем жила и живет Россия. Здесь и развеселый гармонист, и рухнувшая колокольня храма, и «последний кулак» Василий Назаров, и архитектор Анатолий Федорец, и уход от нас Гавриила Троепольского, и «сирота России», и бабье лето, и слесарь дядя Жора, и первая молитва... «Круговорот» — раздел видения Природы человеком с фотоаппаратом. Вот здесь почему-то не замечается даже, что мастер дома возвращается к компьютеру. Не нарушена гармония в «Пред-

новогодье», в «Половодье», в «Цветении» и «Горах Абхазии», в «Предзи-

мье» и «Зимней акварели», в «Метели»,

что по Пушкину... Но азарт удачи имен-

но в этом цикле более всего подводит

лировщицы Марии Шальневой — они

пахали, строили, сражались во имя нашей жизни. В итоге — победили. Позор,

беда и всенародное обнищание — «пере-

стройка». Но посмотрите, кто пришел

по-настоящему властвовать над наши-

ми душами и сердцами — «Бессмертный полк». Внуки с портретами своих

дедов, бабушек — это не парад праздника, а шествие памяти — «Вставай, стра-

«Черно-белая правда». Давняя и со-

на огромная!..»

Сергея Васильевича — в «сказках льда», во всевозможных корягах, лужах он видит то, чего не видим мы. А чтобы увидели, подправляет мастерски — и появляются «мефистофели», образы великих писателей...

...Вдруг узнаю — подаренный мне экземпляр и есть самый настоящий Киселев. Такой, каким он сам себя сделал и каким его должен видеть мир. Альбом Сергея Киселева «Дорога мастера», ла-

Сергея Киселева «Дорога мастера», лауреата многочисленных премий, был выпущен управлением Юго-Восточной железной дороги по инициативе его начальника А.И. Володько. Редакторы были строги и объективны. Надеюсь, работы Сергея Васильевича Киселева, представленные в нынешней журнальной вкладке, расскажут о нем намного

больше и объективнее, чем я. Тут уж

точно: лучше один раз увидеть.